

князей, готовых не щадить живота «за землю Рускую, за веру хрестьянскую и за обиду великого князя».

После смерти Дмитрия, когда при его наследниках эти надежды потускнели, указанное прославление начало терять свой смысл.

В заключение сравним «Задонщину» с зависящим от нее «Сказанием о Мамаевом побоище», составленным в начале XV в., как это выяснил Л. А. Дмитриев.⁴⁸

Прежде всего мы видим, что в «Сказании» гораздо сильнее церковная окраска. Дмитрий Донской изображен в агиографических чертах, как «смирennemудрый» и «кроткий». Он побеждает своими молитвами и «молитвами святых Бориса и Глеба, молением русского митрополита Петра и пособника нашего игумена Сергия и тех всех святых молитвами». Приводится ряд молитв самого Дмитрия, митрополит Петр упомянут три раза; назван даже митрополит Киприан, хотя его не было в Москве в 1380 г. Совсем иначе в «Задонщине»: здесь Дмитрий Донской — храбрый витязь, побеждающий своей доблестью, молитвы его еле упомянуты. Из святых ему помогают лишь Борис и Глеб, молясь «за сродники своя», чем опять подчеркнута династическая традиция.

Иерей Софроний не упоминает ни Сергия Радонежского, ни митрополитов. Он больше чувствует себя брянским боярином, потомком сведомых кметей князя Игоря, чем духовным лицом. Его совершенно не касается вопрос, есть ли митрополит в Москве.

Подчеркивание преемственности Москвы Киеву, обращение к русским князьям как к «гнезду Володимера Киевского» вошли в «Сказание» из «Задонщины».

Роль Владимира Андреевича рядом с Дмитрием Ивановичем почти одинакова как в «Сказании», так и в «Задонщине». Но в «Сказании» появляется ряд новых подробностей, взятых, вероятно, из боярских семейных преданий: эпизод с переодеванием Дмитрия и боярина Бренка, особенно выдвинутая роль Дмитрия Боброка Волынского в засадном полку.

Остальные князья в «Сказании», так же как и в «Задонщине», представлены как анонимная единомыслящая группа. Но особая роль уделена Олегу, этому «скудоумному», «новому Святополку». Вопреки истории введен Ольгерд как враг Дмитрия.

Подчеркивание роли братьев Ольгердовичей имело меньше смысла в эпоху Василия I, чем в 1380 г.: однако оно осталось в «Сказании» по наследству от «Задонщины».

Если главной идеей «Сказания» является, как справедливо отметил Л. А. Дмитриев, «единение всех русских князей во главе с великим князем московским, личное мужество и отвага великого князя московского», то вся эта идея заимствована из «Задонщины», служившей для него источником. Это была душевная идея Софония, и он был не одинок. Эту идею и связанную с ней идею о тесной связи с Киевской Русью и с Русью Литовской сознавали и другие лица и слои населения, особенно в год написания «Задонщины», т. е., по нашему мнению, осенью 1380 г., после трудной и славной победы.

⁴⁸ Л. А. Дмитриев. Публицистические идеи «Сказания о Мамаевом побоище». — ТОДРА, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 140—155.